

Я опоздал всего на несколько минут и теперь почти отрешённо наблюдаю с причала, как большой паром медленно потягивается через Дон к противоположному берегу.

При такой подъёмности он наверняка загрузился здесь минут тридцать-сорок: впускал в себя все эти машины, размещал их на палубе, неспешно да поочередно... Потом путь через реку, на том берегу погрузка-разгрузка и дорога обратно... Так что загорать мне здесь ещё часа два, а то и больше. Вот и

В этом и суть, наверное, народной мудрости: принимать всё как должное, как данное Богом, не суетиться зря, не выказывать по мелочам недовольства, помноженного на чувство собственной исключительности, не перебивать естественный ток времени и смену событий, не нервничать, если не успел их опередить.

попробуй измерить длину упущенной минуты...

Я плонул с досады на шероховатый дощатый настил, обернулся на всякий случай – людей вокруг пока не было – и отошёл к невысоким боковым перилам. Хорошо хоть в очереди на следующую погрузку оказался первым, но какое это теперь имеет значение...

Вода в Дону, в этот час свинцово-зелёная, какая-то маслянистая, натруженная, мерно обтекала покрытые водорослями деревянные сваи, бесшумно уходила от причала, унося на себе мусор и радужные разводы нефти. Паром уплывал по пустынной реке всё дальше и уже пересекал стремнину, оставив за собой ячейки водоворотов и расстилая над водой чадные облака солярного дыма... Пока не жарко, но солнце уже поднялось над прибрежной рощей, шупает сквозь рубашку мою спину, щекокает затылок. Два рыбака из полузаглохнутой лодки ниже причала по течению сматывают удочки и теперь неспешно выбрались по тропинке на береговом откосе: летний день, судя по всему, будет жарким, и рыба уже предсказывает наживке прохладную глубину реки.

Два часа делать абсолютно ничего. Даже книги не взял, ехал уверенно, точно ко времени, а выходит – зря. Достал сигарету, прикурив и снова стал смотреть на воду: она, бегущая, всё же отвлекает и успокаивает...

Тёща с тестем затеяли эту дачу, как обычно не спросив у нас с женой согласия. Нами всё должно было приниматься само собой разумно. «Вчетвером мы быстро её поднимем», – просто и как решённое однажды объявил тесть, и мне осталось только подумать: «Это только по задумке усилия будут распределены на четверых, а потом уж всё пойдёт по обязанности». Выказывать своё мнение, а тем более спорить в этой интеллигентной семье было верхом неучтивости.

И вот теперь (как и ожидалось, хотя и не до конца верилось) ни одного свободного от дачи выходного: давай-давай, причём от меня требовались только руки и руки; от жены – неперменное присутствие и участие; мозговой же центр составляла коалиция тёщи и тестя, откуда постоянно исходили идеи и команды, воплощать которые в жизнь поручалось нам, а вернее, мне. Как тут не сникнешь? Но не будем... Зачем добавлять к испорченному настроению ещё мрачные мысли об успехах на поприще совместного освоения дачи? В такой-то прекрасный летний день на берегу превосходной реки?

Дон изумителен везде, но здесь – особенно! На том берегу сочные голубеют сплошной стеной; на этом – лиственные рощи обрамляют глубокую и широкую излучину с берегами точно из золотистого кафеля, излучину такую крутую, что большой теплоход, резко завернув от паромной переправы, дальше, казалось, шёл прямо по лесу.

Постепенно прибывал народ. Подъезжали к причалу машины, кто-то спускался к воде, появились велосипедисты. Пришли пятеро мужчин с рюкзаками на плечах и сложили свою ношу к перилам на противоположном краю. Интересно: кто такие? На туристов не похожи, на рыбаков – тоже, вид обыкновенный, сельский: кепки, брюки, заправлены в кирзовые сапоги, пиджаки, несмотря на жару. О чём-то заговорили, смеются. Им то же ждётся долго, но вот ведь не киснут, не злятся...

Раздался густой длинный гудок, развернул наши головы к реке. Прямо из леса надвигался громадина и красавец «Тихий Дон», – наверное, самый большой и комфортабельный теплоход на Дону. Палубы усеяны людьми, гремит весёлая музыка... Он двигался медленно, величаво и в то же время быстро поглощал расстояние против течения. «Улов двадцать ходов!» – с уверенностью дилетанта определил я и с завистью посмотрел на шустрых пассажиров, бегощих вдоль борта. Сколько злим мы с женой решали летом взять билеты на такое судно и

прокатать отпуск до Москвы и обратно. Но приходило оно, «это лето», и с ним – вечно какие-то дела, проблемы с совместным отпуском, ещё что-то, и поездка снова откладывалась, уходила прочь, чтобы скоро опять превратиться в зимние мечты...

Громадина с достоинством удалилась, окатив нас грохотом музыки, беззаботностью, и, разболтав на волне буи, исчезла за поворотом, как призрак, который мог лишь только почудиться... На пустынной реке лишь паром у противополож-

ного берега проделывал какие-то свои необходимые хитродвижения, да несколько чаек пронеслись через отшель к лесу.

Я почему-то снова посмотрел на мужчин с рюкзаками: они достали

Алексей Береговой Переправа рассказ

папиросы, но не закуривали, точно было им недосуг это делать за интересным разговором. Потом от них неожиданно отделился один, небольшого роста, с лынящими волосами, выбившимися из-под серой кепки, и густо вслушавшимся лицом. Он уверенно протопал через причал прямо ко мне, разминая заскорузлыми пальцами толстую и уникальную сигарету «Астру».

– Огоньку не найдётся? – спросил он, улыбаясь шербатым ртом.

– Пожалуйста, – я достал из кармана спички.

– Не обессудьте, сейчас я, – он быстро вернулся к своим, обнёс горящую спичку по кругу, точно зажжённый большой дымный костёр. Я смотрел, как они прикуривают, распуская лёгкие облачка, и думал: опоздали-то всего на пять минут больше, чем я, но не психуют, не нервничают, не обвиваются мрачными мыслями; стоят спокойно, ждут, принимая как само собой разумоющийся факт движения парама, хотя, пойдя, не очень приятно торчать в пиджаках под пекущим солнцем, и на том берегу обязательно есть какие-то свои неотложные дела.

В этом и суть, наверное, народной мудрости: принимать всё как должное, как данное Богом, не суетиться зря, не выказывать по мелочам недовольства, помноженного на чувство собственной исключительности, не перебивать естественный ток времени и смену событий, не нервничать, если не успел их опередить.

Вид этих людей успокаивал, вносил в душу утерянное равновесие... Всплывший снова подошёл ко мне, вернул спички.

– Благодарствую, – сказал он, снова засветившись шербатой улыбкой.

– Не за что, – ответил я как можно беспечно, хотя всегда был уверен, что фальшивая беспечность только подчёркивает незаслуженную важность содеянного.

Он извлёк из кармана буро-красную пачку «Астры», протянул прощудно:

– Угощайтесь...

Курить «Астру» нужна особая привычка. И не только потому что сигареты эти без фильтра (когда-то и знаменитая «Прима» не уступала своей популярности лучшим маркам с фильтром из-за отменного качества). Но есть тут и другое, пожалуй, главное: из чего делают «Астру», из какой табачины, не дадено знать никому из курильщиков – дерёт горло, пропитывая горечью язык, сдвигает грудь до выжимки слёз, душист икотой и кашлем. Так что человек, регулярно употребляющий «Астру», – это курильщик! А что подделает, если и «Астра» нынче дефицит непомерный и выдаётся за благо, а уж привычка – к чему не может привыкнуть наш народ?!

Осторожно, точно гадюку, взял я всё-таки термометр.

– Да вы не стесняйтесь, берите, – ещё шире улыбнулся мой доброжелатель и, увидев, что я всё же прикурив, добавил:

– Оно же, конечно, не «Марка», но всё табачок. Вы, видать, такие не курите, но звиняйте, других нету...

Другие, с фильтром, были у меня, но я промолчал, подумав: пред-

ложи я ему свои или откажись под таким предлогом от угощения, испорчу и настрою собственный, и его улыбку. Потому лишь старательно раскуривал очередной дрючок в сигарете.

– Ждёте? – кивнул он на паром, и странно: не почувствовал я раздражения от этого вопроса, и задел он меня своей откровенной банальностью, не огрызнулся я, даже мысленно не съязвил, – такой спокойной и приветливой наивностью густел его голос.

– Жду... – смиренно согласился я, выдувая губами горький астровский дым.

– И нам вот пришлось, – он влез рядом со мной на перила, устроился понадежнее. – Опоздали малость. Неделю дома не были, но теперь уж скоро...

– Домой едете? – теперь уж я не замечал пустоты своего вопроса; говорить с ним можно было легко, просто так, особенно не задумываясь.

– Домой, – ответил он. – Степнянские мы. Хутор Степной тут недалеко есть, слышали? Пять километров от переправы по той дороге, – он показал рукой на противоположный берег. – Туда и едем...

Я мотнул головой, сам не сознавая зачем: то ли утвердил своё знание, то ли подчёркнул неосведомленность. Но он, по всему, принял

моё мотание за первое и обрадовался.

– Каменщиковы мы, слышали небось?

Поняв, разочарованно стал объяснять:

– Да знаменитые мы в этих краях издавна. Ещё деды, отцы... Вот там, –

– А как же? – обрадовался моей неосведомлённости Филипп. – В любом серьёзном деле не бывает без секретов. Сейчас их порастеряли, порасфукали, привыкли делать всё абы как, через пень колоду, вот и маются. Без секретов что за прохвессия?

– Да, конечно, – покорно согласился я.

– Домов мы тут по округе понаставили – тьма! Дедом хуже было. Редко кто каменки ладил, больше саман да набивуха, но держали они свою прохвессию: церкви клали, в город на зработки подавались. Теперь легче: каждый на хуторах не токмо дом норювит из кирпича поставить, но и всё подворье! Вот и приехал соседки нашей Марии кум Прошка Антипов, колхозный бутур с Лозовки, и просит: низко, мол, кланяюсь, но треба, ребя, дом новый поставить, уж всё заготовлено: и матерьялы, и угощение. Ну, посоветовались, сдлались и подались. Это от нас полста километров будет, а ведь и там нас знают, зовут. За неделю домини поставили, выпили по стаканчику на дороге и домой.

– За неделю? – не поверил я. – Большой?

– Громада! Десять на четырнадцать, в полтора этажа! Бутур же, знает, где чё взять, што ему? – уди-

ные, поработай кто из них вот так с этими парнями, поставь за неделю этот самый дом-громадину, послушай, о чём говорят, ворочая лопами раствор в ящике, попей водки не для веселья, а для снятия усталости, встреть зарю не в постели, а на лесеа, почувствуй верность данному слову и сознание высокой ответственности перед завещанной делами гордостью за фамилию, – может быть, сменился бы тон, поубавилось бы мудрёной словесной шелухи. А то вот наловчились классиков выплавлять цитаты и гордятся, будто знают всё. Но если не уважаешь себя сам – сколько ни пьжся, никто уважать не станет...

У нашего народа мало и редко спрашивали, как и что он хочет, подносили всё как бы по его желанию и от его же имени на него плевали, будто принято было в какой-то семье плевать на старшего брата. Сейчас, вроде, демократы наверху, а всё ещё хуже – живучи старые партийные привычки, не выветриваются с переменной флага, глубоко сидят...

– Ну да ладно, – Филипп дососал окуроч, привычно плонул на него, выбросил в медленно обтекающую причал воду, соскочил с перил. – Поиду я к своим, пора...

Я промолчал. Он уходил через широченный причал, а я смотрел

на него и думал опять о непривычных для нас, горожан, рождённых и воспитанных системой унижения, но нормальных для этих людей, истари привытых жизненных правилах и принципах, об искоренении которых система объявила давно и твёрдо и, наверное, совсем не зря.

Каменщиковы! Чётко, ясно и просто. Это же не совсем Захаровы, это уже конкретные, явственные, не спряятанные под многократно повторённой и ничего не значащей фамилией, люди. Так, наверное, и давались прежде фамилии на Руси. А теперь это только прозвища деревенские, разные, неоднозначные, одинаково лишь точные: и Каменщиковы, и Столяровы, и Бездельниковы, и Дураковы...

Я выбросил горькую, размокшую от неумения с ней обращаться сигарету, ещё раз посмотрел на ползувший к причалу паром и неожиданно для себя подумал: «Интересно, какое прозвище получила бы наша семья? Тесть до пенсии проработал на важной должности – лектором отдела пропаганды обкома партии, всю жизнь языком разносил по аудиториям заданные чужие мысли. Тёща тоже где-то что-то читала. Жена – обозреватель на телевидении, сам я – филолог, кое-что корябаю на бумаге, но больше веду бесконечный диалог со студентами, внушаю, что правильно говорить «пюняла», а не «пюняла», «теми», а не «тёмно», и так далее, хотя, если честно, и сам толком не знаю, почему правильно именно так, а не этак, повторяю лишь то, что прежде внушили самому другие «знайки» русского языка. Одним словом, куда ни повернись – сплошное «ля-ля». И тесть – «ля-ля», и тёща, и жена, и сам я – «ля-ля». И прозвище наше уличное было бы, судя по всему, просто «Лялякины», точнее не придумаешь...

Паром длинно загудел, пересекая фарватер. Я посмотрел на часы: больше часа прошло, значит, хоть и говорят, что ждуть и догонять – самое паскудное занятие...

Да, наверняка Лялякины. А может, дача и есть самое полезное в наше непонятное время дело, за какое в состоянии взяться человек того круга, в котором привыкли хорошо кушать и много рассуждать о высоких материях, ненароком сбрасывая со своего стола крохи кормящему его народу? Может, пришла пора пробовать кормить самого себя и не зря ухватиться за дачу тестя, благополучно прибыв к пенсионному берегу, а чтобы хоть как-то наверстать упущенное? Чтобы хоть как-то внушить

себе собственную нужность? Вырастить дерево; хоть раз в жизни попробовать собственный помидор, луко-

вицу; старая от гордости, угостить соседа своим огурцом – это ли не самое основное и нужное в жизни? Мелочь, может быть, но какая огромная и всеобъемлющая! И так ли важно, если кто-то скажет «пюняла» и пойдёт делать нужную и полезную всем работу? Я представил себе это слово слетающим с губ моего тёщи и улыбающимся. Нет, это просто невозможно с её образованностью, но ведь не уехала эта образованность её, не сохранила от грядки, вернулась же тёща к грядке через все лабиринты высоких материй – и вернулась добровольно, даже радостно. И найдётся ли кто из нормальных людей, чтобы осудить её?

Говорят, земля, именно земля воспитывает. Она успокаивает и внушает человеку уверенность, потому что неподкупна и даёт только через труд. Оказывается, умело говорить – далеко не самое главное. Не зря же родилась восточная мудрость: «Сколько ни кричи "халва", во рту сладко не станет». А мы всё кричим, рвём глотки, хотим переорать друг друга, считаем всегда правыми именно себя и весь мир стараемся втоптать под свой голос, а нищета уже шагнула массово на улицы городов. Надо бы годика на два-три каждому запереться у себя на даче, на земельном участке, в мастерской, на фабрике, ферме с конкретной целью: вкалывать как следует, – глядишь, и доказывать кому-то нужда отпала бы, всё и так стало бы ясным, кто прав, а кто – нет. Только вот переправа из одного нашего состояния в другое – это, наверное, самое трудное, самое нудное и неудобное, а для многих, видимо, и невозможное... Но как признаться самому себе в этом?

Паром причалил, и я пошёл к машине. Ещё раз поймал глазами Филиппа. Он уже стоял с братьями у самого борта судна и был готов к посадке, хотя так же неспешно о чём-то беседовал с ними, а я сидел в машине и мрачно курил. Дачная затея уже не казалась глупостью, старческим маразмом, и я подумал, что ведь это совсем мало – пять соток на семью из шести человек, где двое детей двенадцати и четырнадцати лет (тоже могли бы уже прилично вкалывать и как-то оправдывать себя, обретая самостоятельность), что могли бы мы так же после работы и учёбы поднять и пятнадцать соток земли себе и людям на пользу. Кто придумал давать столь мало, коль есть у горожан желание? С какой целью землю дают так далеко от города, что человек без транспорта вынужден сразу же отказаться? Всё ли в подобной ситуации наивно и просто?

Я вспомнил, как на большом, заброшенном по причине отведения под застройку поле возле нашего дома года два жировал бурьян, вымахивал в человеческий рост, и никому до него не было дела, пока этой весной жильцы сами не разделили его под огороды, поправ учёные утверждения, что не хотят наши люди на земле работать. Хотят и ещё как! И лишь за месяц преобразилось поле. А всё лопатами, вручную, – но такой ухоженной стала земля и цветущей, глаз не оторвать. И, самое главное, стыд повисил: старинный, забытый уже крестьянский стыд – не дай Бог твой участок окажется хуже соседского! Лодья тут как на ладони, засмеются вслед, пальцем покажут.

Но, как всегда, нашлась люмпенская душа, накатала «телегу». На белой «Волге» примчался зампредаирисполкома разбираться. Выпрыгнул из машины, побегал между ровными ухоженными грядками, посмотрел и поостыл, махнул рукой и уехал. И всё таким простым оказалось: ни справоч собирать, ни делить, никакой ругани и спор по этому поводу. Правда, кто-то из чиновников в конечном итоге не ухватил своего на этих грядках, и их, как прежде, забросили...

Переправившись. Съехав с пастуны метров от причала. Шагали они ровно, мягко отпечатывая в сухом откосном песке подошвы кирзовых сапог, выбивали каблуками малосенькие белые фонтанчики пыли. Приторозил я и, сам не зная почему, как-то просительно сказал Филиппу в открытую форточку:

– Садитесь, подброду до хутора. А мне ведь надо уже через полкилометра сворачивать налево и ехать вдоль реки вниз по течению к новостройкам дачных участков. Но что такое лишние два по пять километров, если душа просит?

– Да нет, не стоит, зачем стесняться? – улыбнулся Филипп. – Ваша машина всё одно всех не уместит, а мы тут уже дома, што тут осталось? Так што, звиняйте и счастливы...

Они ушли, а я стоял и долго смотрел, как всё выше и выше поднимаются они к сосняку, становясь всё меньше и меньше, из одиночек превращаясь в сплочённую группу. Обезьяная меня, машины поднимали облака белёсой пыли, куда-то быстро растёкся пеший народ, а я стоял и смотрел, пока лес не проглотил их вместе с дорогой...

Мало всё-таки только посадить дерево, вскопать грядку, поставить дом; надо ещё что-то понимать, чтобы стать у народа своим...

Алексей Григорьевич БЕРЕГОВОЙ – прозаик, заместитель председателя правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России, председатель правления Ростовского регионального отделения Литературного фонда России, живёт в г. Ростов-на-Дону.

он кивнул в сторону остальных, – все братья. Вон Павлуха, – он показал пальцем на невысокого и плотно-го, – то мой родной старший братуша. Петька и Мишка – двоюродные, а Васька – аж троюродный. Меня зовут Филька, Филипп значит, но все мы Каменщиковы.

– Все одной фамилии? – зачем-то спросил я.

– Да, род наш такой. Но это не хвамилия, а прозвище. А хвамилия наша Захаровы. Только Васька – Карасёв, по матери родак. Но кличут нас всех так ещё с прадедов.

Я про себя удивился: неужели прогрессивная колхозная система ещё не уничтожила такое?

– Захаровы у нас на хуторе щитали больше половины. Как различить? – продолжал он. – Мы же не как все, у нас прохвессия, с детства нас ей учили, и лучше нас здесь никто не может. Дома кладём, хлигеля, печи; деды нам ещё секреты передавали.

– Секреты? – не поверил я, наверное, выставляя сильно учёным человеком.

У нашего народа мало и редко спрашивали, как и что он хочет, подносили всё как бы по его желанию и от его же имени на него плевали, будто принято было в какой-то семье плевать на старшего брата. Сейчас, вроде, демократы наверху, а всё ещё хуже – живучи старые партийные привычки, не выветриваются с переменной флага, глубоко сидят...

потом пользоваться всем, что народ этот создал, – низко и гнусно. И, может, переменялись бы взгляды учё-